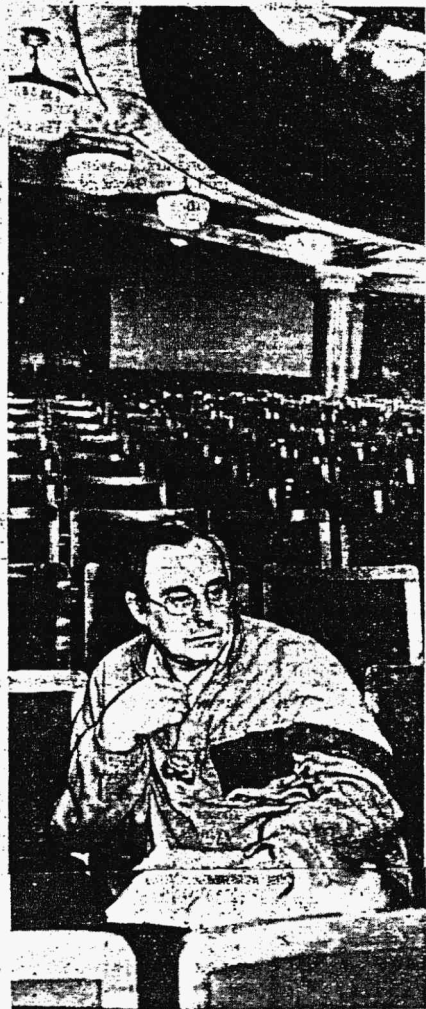

— Простите, Марк Григорьевич, а вы сами свой театр какими параметрами определяете?

— «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Поэтому мне самому трудно отличать свой знаменитый, как вы говорите, спектакль от менее знаменитого. Спектакли как дети, одинаково дороги. Один ребенок послушный, но это не значит — хороший. Другой более живой, динамичный, острый на язык и в поведении, но это не значит, что он самый мудрый... Всякое бывало, и я люблю всех своих детей, хотя они разные.

— Что же тогда главное для режиссера?

— Режиссер должен уметь в театре все. И «У Никитских ворот» я пытаюсь делать театр разнополюсным, разножанровым, разноречивым, разностилевым... Мне кажется, что каждый новый спектакль должен отличаться от предыдущего — тогда интересно и мне, и актерам, и зрителям. Сегодня — трагедия, завтра — комедия, психологическая драма, фарс, водеvil, мюзикл... Все жанры хороши, кроме скучного, сказано Вольтером, и я с ним согласен.

— Я знаю, у вас в афише есть спектакль-концерт, где

Театр-студия «У Никитских ворот» приобретает известность не только в нашей стране, но и за ее пределами. Лауреат Эдинбургского и Вроцлавского фестивалей, Гастроли в США (дважды), Швеции, Дании, Великобритании, Польше, ФРГ, Финляндии.

В Таллинне «У Никитских ворот» впервые. Репертуар — «Роман о девочках» В. Высоцкого, «Говорит Москва, или День открытых убийств» Ю. Давидова, «Концерт Высоцкого в НИИ», «Раздевалка» М. Розовского, «Хочу ребенка» С. Третьякова и — для детей — «День рождения кота Леопольда».

Идет работа над новым спектаклем «Триумфальная площадь», и, договорившись об интервью с Марком Розовским, основателем и художественным руководителем театра, я имела удовольствие видеть, как рождается сцена Мастера и гоголевских персонажей. И мне ужасно жаль, что премьера «Триумфальной площади» состоится не здесь, а в Ленинграде, куда отправится театр после таллинских гастролей, и что мы не увидим эту театральную фантазмагорию. А она, очевидно, продолжит именно ту линию, которую можно назвать «театром Марка Розовского», начатую в далеком 1972 году незабываемой «Ведной Лизой», поставленной в малом зале ВДТ и мощно подхваченной знаменитой «Историей лошади», поставленной почти в сотнях театрах мира.

АКТЕРЫ — КАК ПТЕНЦЫ В ГНЕЗДЕ

вы сами выходите на сцену в качестве актера, причем делаете это замечательно. Вы не взяли его в Таллинн — почему?

— Слишком коротко время наших гастролей, не все успеваем показать, главное, конечно, хотелось представить театр, а театр — это репертуар.

— Пестуя театр нетрадиционный, вы свято относитесь к театру в классическом его понимании?

— В этом нет ничего дурного. В искусстве нет прогресса. Прогресс есть в условиях жизни, комфорте. Автомобиль можно сделать один лучше другого. Но написать «Фауста» лучше, чем это сделал Гете, или стихи написать лучше Пушкина — это задача минимал. Культура тем и прекрасна, что она есть стержень жизни, и ни-

какие исторические катаклизмы не могут ее повергнуть ниц. Потому что если культура падает — значит, человек падает.

— А сегодня в нашем обществе преобладают как раз разрушительные тенденции...

— Время, в которое мы живем, провозглашается революцией, и это пугает. Хотя здесь — сложно — если культура соединяется с революцией, тогда возникают такие титаны, как Маяковский, Брехт... Когда сегодня мы разоблачаем Октябрь, заодно мы пытаемся «сбросить с корабля современности» и самого Маяковского... Но стоит вчитаться в него, увидим, что он не совсем так прост и примитивен. Художник вбирает в себя время, а поскольку время было революционное, нужно посмотреть, какая судьба стоит за всем этим, чем оплачена жизнь...

Маяковского мы привыкли видеть в качестве официозного поэта, которого, по словам Пастернака, насаждали как картошку в огороде... Но есть и другой Маяковский, перед которым преклонялись Цветаева, тот же Пастернак, Маяковский, написавший перед смертью «Баню», где главный герой Победоносиков — наступающая сталинская, и до него никто не выступал против сталинщины так смело и так остро. Не нужно быть слепыми и глухими. Культура — весь комплекс ценностей. А если ты что-то отбираешь, одни ценности обесцениваешь, а другие возводишь на пьедестал духа, то это твоя ошибка. Культура прекрасна тем, что дает тебе возможность быть глу-

боким и несуетным — а уж все остальное зависит от тебя. И в этом смысле я — за театр классический. Но для русского театра всегда были традиционны и новаторство, и эксперимент, и абсолютная свобода художественного мышления. Одно не противоречит другому.

«Дух века требует перемен и на сцене драматической» — сказано Пушкиным, и недаром великий реформатор театра XX века Мейерхольд хотел написать эти слова на фронтоне своего так и не построенного театра. Мастер был прав.

— Мастера, наверное, всегда правы — если они мастера. А вы сами считаете себя бунтарем? Ваша театральная биография ведь складывалась бунтарски — и пришли вы в профессионалы из — самодеятельности, и воспели сентиментализм в то время, когда умом умом Таганка раскрывала нам мир в чуждых ритмах поэзии XX века.

— Я никогда не ставил перед собой задачу бунта как задачу жизни. Я просто пытался что-то делать, но то, что я делал, не совпадало с требованиями официоза. Вот и все. Сам же по себе манифест бунта, если за ним не стоит серьезной художественной программы, — шпик. «Я» в искусстве нужно оплатить жизнью и судьбой. Радио, телевидение, кинематограф эту задачу упрощают — к тебе быстро приходит минимальная известность, но она быстро уйдет, если ты не застрянешь на спор с дьяволом, если не приблизишься к небу. Настоящий художник всегда немножко небожитель.

— Но все-таки — как насчет воспеваания сентиментализма во время, когда поэзию стали слушать на «стационарах»? «Но есть Достоевство и в ней — она сентиментальна» — так характеризовалась во вступлении к спектаклю повесть Карамзина «Бедная Лиза».

— В нашем репертуаре она живет и сейчас. Дети растут и спектакли тоже. С новыми актерами постигаешь этот материал как бы заново, еще раз прокручиваешь твою жизнь вместе с этими персонажами.

— А как уживаются в нас режиссер и драматург? Не разрывая?

— Видите ли, я убежден, что если бы у Шекспира не было театра «Глобус», не было бы двух-трех десятиков его друзей-актеров, то... Ведь актеры, как птенцы в гнезде, которые пищат и с раскрытыми клювами ждут корма. Мне в принципе кажется, что пьеса, написанная за письменным столом, умирает в театре...

— Но я говорю о вашей оригинальной драматургии, не о сценизациих.

— У меня три пьесы — «Красный уголок», «Концерт Высоцкого в НИИ» и «Раздевалка». Все — комедии. Если хотите — трагикомедии. В основе их лежит анекдот, частный случай. Но ведь и Зоженко писал анекдоты для театра, и Гоголь, и Чехов... В русской культуре, русской литературе такой подход традиционен. А сейчас написал иную пьесу — «Триумфальная площадь». Она посвящена Мейерхольду и рождается как раз в театре. То есть я написал пьесу, но как режиссер курочку ее, и актеры просто «сходят с ума, потому что на каждой репетиции я предлагаю или другой монтаж реплик, или другое решение эпизодов. И актеры сами тоже предлагают — это и есть мейерхольдовский метод импровизации в действии.

— Вы счастливы в театре? — Сегодня я не просто счастлив, я сверхсчастлив. Я занимаюсь любимым делом, а мне всю жизнь этого не давали. И естественно все то, что возникло в последние годы, — это мечта, которая воплощается.

— Вы имеете в виду ваш театр-студию «У Никитских ворот»?

— Да, потому что даже те спектакли, которые вы так хорошо помните, не принесли мне полного внутреннего удовлетворения, потому что я делал их в чужих стенах. Свои театральные стены появились у меня только с созданием театр-студии. Конечно, и тогда работа была мигмом счастья, моментом счастья. Но моя профессия требует, чтобы я каждое утро приходил в репетиционный зал и работал с актерами. С моими любимыми обождаемыми актерами, родными мне людьми. И сегодня оно у меня, к счастью, есть.

— Ваши сценизации настолько индивидуальны, что невольно возникает вопрос — вы видели свои пьесы в чужой постановке?

— Вы знаете, тут странная вещь, на Западе просто копируют многие мизансцены — я имею в виду «Историю лошади». Правда, я не видел нью-йоркского спектакля.

— Кажется, вы — единственный советский драматург, чья пьеса шла в течение года каждый вечер на Бродвее с вашей же музыкой.

— Броде, да.

— Композитор, режиссер, драматург... А кто вы по образованию?

— Журналист...

Беседу вел
Этери КЕКЕЛИДЗЕ.
Фото Калью Лийва.